УДК 811.111’276.6:34
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-129-137

Л. А. Борисова

Воронежский государственный университет
Университетская пл., 1, Воронеж, 394018, Россия

borisova_la@rgph.vsu.ru

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ НА ЯЗЫК ЗАКОНА

Рассматривается взаимосвязь фактора целевой аудитории и языковых особенностей англоязычного законодательного текста. Прослеживается изменение целевой аудитории закона с момента становления текста как жанра по настоящее время. Описываются конкретные языковые черты британского статута, обусловленные фактором адресата. Исходной целевой аудиторией законодательного текста являлись представители юридической профессии (юристы, судьи), что привело к тяжеловесному языковому оформлению текста и послужило причиной его острой критики. Тяжеловесность проявилась в сложном синтаксисе, обилии архаизмов и отсылочных фраз, использовании *shall* для передачи разной модальности, большом объеме предложений. Во второй половине XX в. с появлением Plain English Movement целевой аудиторией закона стал пользователь, что привело к изменению языка законодательства. Значительно изменился синтаксис, страдательный залог уступил место действительному, сократилось использование модального глагола *shall* и архаизмов, вместо номинативных сочетаний стали употребляться глаголы. В 2012 г. в Британии было проведено новое исследование целевой аудитории статутов, которое показало ее крайне разнородный характер – от неспециалистов до юристов. Результатом стало принятие руководства по законодательной технике, в котором описываются конкретные правила языкового оформления текста. Выработаны рекомендации по использованию конкретных синтаксических структур, замене определенных слов и выражений, введению формул для передачи вычислений и т. п. В заключение делается вывод о необходимости учета разных категорий читательской аудитории автором законодательного текста.

Ключевые слова: юридический язык, целевая аудитория, язык закона, адресат статута.

Юридический язык всегда являлся объектом жесткой критики. Достаточно вспомнить несколько нелестных эпитетов, которые уже прочно закрепились за ним: *legal gobbledygook*, *legal gibberish*, *legal jargon*, *legalese*. Все они подразумевают, что юридический язык обладает рядом особенностей, которые делают его непонятным для «непосвященных»: сложный синтаксис, специальная терминология, архаизмы, дублеты, перекрестные ссылки и т. п. Альфред Филлипс (Alfred Phillips), ученый-юрист, писатель, редактор одного из профессиональных юридических журналов, использует медицинские метафоры для характеристики юридического языка и говорит о его болезни, переходящей в патологию. Характер диагноза, по его мнению, предельно ясен: раздражающим фактором выступает «оболочка» языка, которая вклинивается между автором текста и его получателем, и, как ширма, отгораживает юридический текст от той категории читателей, той целевой аудитории, для которой он реально предназначен [Phillips, 2003. С. 31].

Именно фактор целевой аудитории сыграл важную роль в оформлении языка юридических документов, в частности законов. Обратимся к истории для подтверждения своей мысли.

Борисова Л. А. Влияние фактора целевой аудитории на язык закона // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 2: Филология. С. 129–137.

© Л. А. Борисова, 2018

Законодательные тексты, создающие определенные правила поведения, появились в Англии в XIII в., но авторитетный характер они приобрели только в XV в. Авторитетным стал автор статута (закона), которым считали не бюрократа, а лицо или орган, вводящий статут в действие. В этой связи и судьи начали проявлять большее уважение к письменному тексту и почувствовали ограничение со стороны самого языка текста статута.

Однако на этом этапе развития процесс написания текста закона не представлял собой, используя терминологию современных лингвистических исследований, процесс коммуникации, при котором учитывается фактор адресата сообщения и выбираются соответствующие языковые средства для передачи интенции адресанта. Как отмечает Джон Ф. Барроуз (John F. Burrows), составляя текст закона, его автор не имел в виду никакую конкретную аудиторию. Он должен был изложить содержание закона максимально точно и исчерпывающе. Толкование же закона, с точки зрения автора текста, было задачей иного лица. Это привело к тому, что читателем закона стала привилегированная элита – юристы. Только они были в состоянии понять язык законодательства, а следовательно, и суть изложенного [Burrows, 2003]. Результатом такого подхода к созданию текста стал тяжеловесный язык, ставший впоследствии объектом критики и язвительных шуток, многие черты которого сохранялись еще в XX в.

В качестве иллюстрации приведем выдержку из британского закона 1978 г. о занятости:

> …Provided that paragraph (d)(iii) shall not apply to the employees of any body or authority if the employees' pension rights depend on the terms of a pension scheme established under any provision contained in or having effect under an Act of Parliament and the body or authority are required by any such provision to give to new employees information concerning their pension rights, or concerning the determination of questions affecting their pension rights.

Объем придаточного предложения составляет 73 слова, текст же всего сложноподчиненного предложения (а по нормам законодательной техники один пункт состоит из одного предложения) включает 258 слов. Безусловно, такая длина создает значительные трудности при восприятии информации читателем. Кроме того, в указанном отрывке придаточное осложнено еще одним придаточным условия (с союзом *if*), а оно, в свою очередь, несколькими причастными оборотами. Таким образом, синтаксис статута характеризуется нагромождением большого количества придаточных и обособленных оборотов. Наконец, в отрывке используется модальный глагол *shall*, многочисленные повторы существительных, отсылочные фразы. Для сравнения приведем выдержку из закона, принятого столетием раньше – в 1878 г., с аналогичным типом придаточного:

> …Provided also, that such burgh local authority may, at any meeting called for the purpose, on not less than one month's notice, by special advertisement, pass a resolution that such rates and assessments shall, from and after a date to be fixed in the resolution, thenceforth cease to be levied in respect of such streets and roads…

В этом отрывке используются архаизмы, между модальным и смысловым глаголом стоит значительное количество слов. Однако стилистически тексты очень близки, несмотря на вековой интервал между ними.

К внешним причинам тяжеловесности языка закона относятся следующие. Во-первых, составителю закона платили постранично, что не могло послужить стимулом к краткости. Во-вторых, упрочилось положение Парламента как органа законодательной власти, и члены парламента хотели, чтобы предлагаемые ими нормы были изложены как можно подробнее. И, наконец, составители законов стремились сделать статуты как можно более удобными для судей, поскольку именно судьи применяли их к каждому конкретному делу. Поэтому считалось необходимым прописать в законе как можно больше деталей.

Осознание необходимости изменения языка закона пришло уже в конце XIX в., но реальные попытки были предприняты в Британии во второй половине XX в. В 1975 г. в отчете комитета Рентона отмечалось, что если законы туманны и загадочны, то они лишают гражданина права жить согласно принципу верховенства закона. Если закон понятен главным образом только чиновникам, то общество движется от демократического государства к бюрократическому, что может иметь далеко идущие последствия. Дэвид Эллиотт (David Elliott) отмечает, что если законы непонятны тем, для кого они в первую очередь предназначены,

то это приводит к тому, что в обществе растет правовое невежество и неуважение к законам и тем, кто их принимает. Правовое невежество и неуважение к закону наносит вред общественному устройству [Elliott, 1992].

Существенный вклад в изменение языка законодательства внесло движение «Plain English Movement» («За простой английский»). Сторонники этого движения поставили во главу угла фактор целевой аудитории статута: традиционная школа законодательной техники предполагает, что читателем является юрист (или юрист второй стороны сделки, или судья, который будет толковать документ, если дело дойдет до суда), однако читателем юридического документа является также его пользователь [Butt, Castle, 2006. P. 85]. «Простой английский – это… ясный и точный язык, доступный для понимания и способный эффективно передавать смысл сообщения… На первое место он ставит читателя и предполагает отказ от архаизмов, жаргонизмов, лишней специальной юридической терминологии и сложного языка… Он означает использование простого языка таким образом, чтобы идеи, им выражаемые, были понятны читателю…» [Ibid. P. 124].

Результатом усилий сторонников движения «За простой английский» стали многочисленные пособия и руководства по написанию юридических текстов, в частности законов. Все они содержат рекомендации, касающиеся организации текста и его языкового оформления, и сводятся, главным образом, к следующим правилам: упрощение синтаксиса, замена страдательного залога действительным, отказ от модального глагола *shall*, использование глаголов вместо номинативных сочетаний, отказ от архаизмов и жаргонизмов, использование таблиц, формул, списков и т. п.

Под давлением движения «За простой английский» в языке законодательства произошли существенные изменения.

Так, наиболее заметной тенденцией стал отказ от модального глагола *shall* в тех случаях, когда он не выражал обязанность, и его замена на Present Simple. В британских законах до самого недавнего времени (в течение 2000-х гг.) можно было выделить несколько видов положений, при формулировании которых *shall* использовался не для возложения на лицо обязательств, а для декларирования действия. К их числу относятся положения об отмене правовых норм, о вступлении закона в силу, о внесении поправок, о сфере действия закона и др. Критики юридического языка заявили, что *shall* в таком контексте не несет смысловой нагрузки и употребляется скорее в силу традиции, для придания официальности документу. Читатель же, наоборот, пытается для себя интерпретировать эту модальность и, не находя разумного объяснения, в очередной раз неодобрительно отзывается о языке юристов.

Во втором десятилетии XXI в. в законодательстве наблюдается замена *shall* в таких положениях на Present Simple – время, используемое, среди прочего, для констатации факта:

С 2000 по 2010 г.	С 2011 г. по настоящее время
The Justice (Northern Ireland) Act 2002 (c. 26) ***shall be amended*** *as follows* (Justice and Security (Northern Ireland) Act 2007) – В «Закон о юстиции (Северная Ирландия) 2002 г.» (гл. 26) вносятся следующие изменения («Закон о юстиции и безопасности (Северная Ирландия) 2007 г.»)	*The Immigration Act 1971* ***is amended*** *in accordance with subsections (10) and (11)* (Immigration Act 2016) – В «Закон об иммиграции 1971 г.» вносятся изменения в соответствии с п. (10) и п. (11) («Закон об иммиграции 2016 г.»)
The remaining provisions of this Act ***shall come into force*** *on such day as the Secretary of State may appoint by order made by statutory instrument* (NHS Redress Act 2006) – Остальные положения настоящего Закона вступают в силу в день, назначенный приказом Министра согласно соответствующему подзаконному акту («Закон о компенсациях Национальной службы здравоохранения 2006 г.»)	*Section 32* ***comes into force*** *on such day as the Secretary of State may by regulations appoint* (Bank of England and Financial Services Act 2016) – Статья 32 вступает в силу в день, назначенный распоряжением Министра («Закон о Банке Англии и финансовых услугах 2016 г.»)

This Act ***shall extend*** *to England and Wales only.* (Compensation Act 2006) – Настоящий Закон действует только на территории Англии и Уэльса («Закон о компенсациях 2006 г.»)	*Subject to subsection (2), this Act* ***extends*** *to the whole of the United Kingdom* (Energy Act 2016) – С учетом п. (2) настоящий Закон действует на всей территории Соединенного Королевства («Закон об энергии 2016 г.»)

Страдательный залог в статутах остается по большей части только в положениях об отмене правовых норм и о внесении поправок, а также в тех положениях, где необходимо соблюсти гендерную нейтральность:

Where the power under subsection (4) is exercised – *(a) the person exercising the power must notify the Secretary of State of what has been done and of the reasons for doing it…* (Planning Act 2008)	При осуществлении полномочий согласно п. (4) (а) лицо, осуществляющее такие полномочия, обязано проинформировать Министра о предпринятых мерах и причинах их принятия… («Закон о планировании 2008 г.»)
The Government of Wales Act 2006 is amended as follows (Wales Act 2017)	В «Закон о правительстве Уэльса 2006 г.») вносятся следующие изменения. («Закон о Уэльсе 2017 г.»)
The enactments and instruments set out in Schedule 4 are repealed or revoked to the extent shown in that Schedule (Consumer Credit Act 2006)	Правовые нормы и подзаконные акты, перечисленные в Приложении 4, утрачивают силу в объеме, предусмотренном указанным Приложением («Закон о потребительских кредитах 2006 г.)

Значительно уменьшились или вообще свелись к нулю случаи употребления архаизмов *forthwith* ‘незамедлительно’, *hereby* ‘настоящим’, *notwithstanding* ‘не взирая на’, *aforesaid* ‘вышеизложенный’, *hereinafter* ‘в дальнейшем’, *thereunder* ‘перечисленные ниже’.

Нельзя отрицать, что движение «За простой английский» принесло свои плоды; язык законодательства претерпел изменения, и сейчас никто не будет спорить с тем, что закон должен быть написан языком, простым и понятным для читателя. Однако споры относительно качества законов не утихают в Великобритании и сегодня.

В 2012 г. Национальный архив Великобритании, отвечающий за поддержку сайта www.legislation.gov.uk, на котором представлено все законодательство Соединенного Королевства, провел исследование с целью выяснить потенциальную аудиторию законодательных текстов. Исследование позволило выделить три категории пользователей сайта и, соответственно, читателей законодательного текста. К первой категории относятся неюристы, которым знание правовых норм необходимо для работы, например, полицейские, местные чиновники, сотрудники кадровых служб и т. п. Они обращаются к тексту закона, когда им необходимо решить какую-нибудь проблемную ситуацию на работе. Вторую категорию составляют рядовые граждане, которые хотят знать о своих правах, например на получение пособия или образовательных услуг, и хотят законодательно подкрепить свою правоту в ситуации ущемления прав. Наконец, третья категория – это юристы, начиная от партнеров – основателей фирм и заканчивая специалистами по поиску правовой информации в каталогах библиотек.

Данные исследования говорят о том, что аудитория текста закона разнородна и состоит не только из специалистов. Сегодня уже нельзя утверждать, что закон должен быть написан только для юристов или только для широкой публики. Он должен быть одинаково понятным и специалистам, и неспециалистам.

Интересно, что Национальный архив также провел опрос составителей текстов законов на предмет целевой аудитории и выяснил, что они видят читателями законодательных текстов членов Парламента и министров, чиновников, лоббистов, судей и юристов. Очевидно, что данные о пользователях сайта и представления составителей текстов законов расходятся.

Тем более удивительным было для последних узнать, что реальные читатели закона не просто не понимают смысл закона, а даже не разбираются в том, как организован текст и что обозначают такие слова, как *commencement* ‘вступление в силу’, *Schedule to the Act* ‘приложение к закону’, *prescribed by regulations* ‘предписанный распоряжениями’ и т. п.

Дальнейший опрос пользователей сайта legislation.gov.uk показал, что как юристы, так и неюристы одинаково плохо понимают содержание законодательных текстов, и для всех пользователей чтение закона и его понимание является трудновыполнимой задачей [Bertlin, 2014. P. 45].

Безусловно, существуют объективные причины сложности законодательства, однако во многих случаях подготовить качественный текст закона вполне возможно. В ответ на критику качества законов 16 апреля 2013 г. британским правительством был запущен проект, получивший название «Good Law Initiative» («Качественный закон»). Исполнителем проекта является Парламентский юридический отдел (Office of the Parliamentary Counsel), отвечающий за написание законодательных текстов.

Проект «Качественный закон» можно считать логическим продолжением движения «За простой английский». Если простой язык подразумевал ясность и точность (*plain language means clear and precise language*), то качественный закон должен быть «актуальным, ясным, связным, эффективным и доступным» (*good law is necessary, clear, coherent, effective and accessible*) [When laws become too complex, 2013. P. 1].

Элисон Бертлин (Alison Bertlin), заместитель начальника Парламентского юридического отдела, проанализировала результаты исследования Национального архива и задалась вопросом, какие приемы законодательной техники лучше всего работают при восприятии текста закона читателем.

Как показывает исследование, однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя. Как правило, действие конкретного приема зависит от описываемой ситуации и личностных факторов. Однако итоги исследования позволяют выработать ряд практических рекомендаций для составителей текстов законов, например: целесообразно передавать вычисления формулами, а не словами, следует обратить внимание на формулирование положений, содержащих условия, и структуру предложений.

Проанализировав данные исследования, Парламентский юридический отдел принял в 2015 г. новую версию Руководства по законодательной технике (Drafting Guidance), в котором даются подробные указания относительно не только структуры текста закона, но и его языкового оформления.

Например, рекомендуется избегать так называемых «сэндвич-структур» (*sandwich clauses*), когда в промежутке между предложением в начале (придаточным) и предложением в конце (главным) перечисляются условия, обстоятельства и т. п., причем главное и придаточное предложения являются полносоставными и субъекты в них совпадают:

If an inspector reasonably believes that – *(a) premises falling within this Part are unfit for human occupation,* *(b) the premises are nevertheless occupied, and* *(c) the life or health of the occupants is at risk,* *the inspector may serve a notice under this section*	Если у инспектора есть основания полагать, что (a) помещения, подпадающие под действие данной части, непригодны для проживания, (b) в данных помещениях, тем не менее, проживают люди и (c) жизнь или здоровье проживающих в помещении людей находятся под угрозой, инспектор вправе направить уведомление, предусмотренное настоящей статьей.

Целесообразно изменить такую структуру, поставив в начало главное предложение, а затем придаточное условия:

An inspector may serve a notice under this section if the inspector reasonably believes that – *(a) premises falling within this Part are unfit for human occupation,* *(b) the premises are nevertheless occupied, and* *(c) the life or health of the occupants is at risk.*	Инспектор вправе направить уведомление, предусмотренное настоящей статьей, если у него есть основания полагать, что (a) помещения, подпадающие под действие данной части, непригодны для проживания, (b) в данных помещениях, тем не менее, проживают люди и (c) жизнь или здоровье проживающих в помещении людей находятся под угрозой.

Еще одной рекомендацией, облегчающей восприятие текста закона, является отказ от ссылок внутри статьи. Так, вместо

(1) A person may apply to the council for a permit to play music. *(2) An application under subsection (1) must contain the prescribed information.* *(3) On receiving an application made by a person under subsection (1), the council may issue a permit to the person.*	(1) Лицо может обратиться с заявлением в совет за разрешением играть музыку. (2) Заявление, предусмотренное п. (1), должно содержать определенную информацию. (3) После получения от лица заявления, предусмотренного п. (1), совет может выдать этому лицу разрешение.

достаточно написать

(1) A person may apply to the council for a permit to play music. *(2) An application must contain the prescribed information.* *(3) The council may issue a permit to an applicant.*	(1) Лицо может обратиться с заявлением в совет за разрешением играть музыку. (2) Заявление должно содержать определенную информацию. (3) Совет может выдать этому лицу разрешение.

Кроме того, авторам законодательных текстов рекомендуется избегать употребления конкретных слов и выражений. К их числу относятся, в частности, сложные предлоги и выражения, характерные для текстов официально-делового стиля. Их предлагается заменить нейтральными в стилистическом отношении и прозрачными с точки зрения семантики. Например, *pursuant to* ‘в соответствии с’ можно заменить на *under (no)*, *by virtue of* ‘в силу’ – на *by (no)*, *as a result of* ‘в результате’, *because of* ‘из-за’ в зависимости от контекста, *without prejudice to the generality of* ‘без ущерба для общего смысла вышеизложенного’ – на *without limiting* или *without preventing* ‘не ограничиваясь’ и т. п. [Bertlin, 2014].

Реальные изменения языка законодательства сегодня требуют глубокого исследования, однако даже беглый взгляд на некоторые типовые формулировки позволяет говорить, что они имеют место.

В качестве примера приведем формулировку о финансировании.

В законе 2009 г. она имеет следующий вид:

> There shall be paid out of money provided by Parliament any increase attributable to this Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.
>
> За счет денежных средств, выделяемых Парламентом, выплачивается любое связанное с исполнением настоящего Закона увеличение сумм, которые согласно какому-либо другому закону выплачиваются из денег, выделяемых именно таким образом.

В законе 2014 г. она выглядит так:

There is to be paid out of money provided by Parliament any increase attributable to this Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.

Как видим, модальный глагол *shall* заменен на выражение *to be to*. По сути, *shall* не передает в этом контексте возложения на лицо обязательств. Речь идет о запланированных действиях, а именно о порядке выделения денежных средств, в связи с чем и происходит замена *shall* на модальное выражение *to be to*. При этом перевод в части модальности никак не изменяется, что еще раз подчеркивает использование *shall* в законах начала XXI в. в силу традиции и отсутствие у него значения обязанности данном случае.

Аналогичное положение в законе 2016 г. сформулировано следующим образом:

The following are to be paid out of money provided by Parliament – *(a)…* *(b) any increase attributable to the Act in the sums payable under any other Act out of money so provided.*	За счет денежных средств, выделяемых Парламентом, выплачивается следующее: (a) … (b) любое связанное с исполнением настоящего Закона увеличение сумм, которые согласно какому-либо другому закону выплачиваются из денег, выделяемых именно таким образом.

Лексически предложение не изменилось. В нем сохранились отглагольные прилагательные с суффиксом *-able* (*attributable*, *payable*), имеющим значение пассива и придающим строгость и официальность стилю изложения, отсылочные фразы (*under any other Act, so provided*), модальность (*to be to*), страдательный залог (*be paid out*), большая часть формулировки в целом. Изменения коснулись структуры предложения. Вместо модели с формальным подлежащим *there*, которое придает высказыванию обезличенность, автор текста закона использует подлежащее *the following* ‘следующее’, предваряя таким образом перечисление и внося ясность в смысл положения. Структура предложения в переводе при этом никак не изменяется, а списочное изложение пунктов в оригинале приводит к необходимости аналогичного построения в переводе с добавлением слова *следующее* перед перечислением.

Подведем итог. Целевая аудитория законодательного текста разнородна. С одной стороны, она включает рядовых граждан, чьи интересы и права закон призван защищать. С другой стороны, читателями являются также юристы и судьи, которые непосредственно применяют и интерпретируют закон в своей практике. Автор текста закона сталкивается с необходимостью найти баланс между этими двумя категориями, что является, безусловно, нелегкой задачей. История развития языка британского законодательства показывает, что фактор целевой аудитории играет одну из ключевых ролей при выборе автором статута языковых средств.

Список литературы

Bertlin A. What works best for the reader? A study on drafting and presenting legislation. The Loophole. May 2014. No. 2. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/ attachment_data/file/326937/Loophole_-_2014-2__2014-05-09_-What_works_best_for_the_reader.pdf (дата обращения 04.11.2016).

Burrows John F. Statutes and the Ordinary Person // Waikato Law Review 1. 2003. URL: http://www.nzlii.org/nz/journals/WkoLawRw/2003/1.html#Heading3 (дата обращения 04.11.2016).

Butt P., Castle R. Modern Legal Drafting. A Guide to Using Clearer Language. Second edition. New York: Cambridge University Press, 2006. 240 p. + xxxi p.

Elliott D. Using Plain English in Statutes. 1992. URL: http://www.davidelliott.ca/papers/usingplain.htm. (дата обращения 04.11.2016).

Phillips A. Lawyers’ Language. How and why legal language is different. London and New York: Routledge, 2003. 194 p.

When Laws Become Too Complex. A review into the causes of complex legislation. Office of the Parliamentary Counsel. March 2013. 33 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/ system/uploads/attachment_data/file/187015/GoodLaw_report_8April_AP.pdf (дата обращения 04.11. 2016).

Материал поступил в редколлегию 17.11.2016

L. A. Borisova

Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh, 394018, Russian Federation

borisova_la@rgph.vsu.ru

THE FACTOR OF TARGET AUDIENCE OF A LEGISLATIVE TEXT AND ITS INFLUENCE ON THE LANGUAGE OF LAW

The paper considers the relationship between the factor of target audience of a legislative text and the linguistic features of a law.

The target audience of British statutes has changed through history. From the XV century to the 1970s drafters meant statutes to be read by professionals, i.e. lawyers and judges. This influenced the style of drafting. The sentences were long and often consisted of hundreds of words. Drafters used complex syntactic structures with numerous clauses and participial constructions. The key modal verb was *shall.* It was used both to express the duty to do something and to state facts. Statutes were abundant in archaic words, references, nominal phrases and technical words. All this made legislative texts extremely hard to understand and an ordinary person had to consult a lawyer in order to know what a particular law said.

Criticism of the language of law gained momentum in the 1970s. Renton Committee Report of 1975 emphasised that if citizens do not understand laws they are deprived of their right to live under the rule of law, which undermines democracy. Plain English Movement, which also became popular in Britain in the 1970s, contributed a lot to further changes in the language of law. Plain English drafters assumed that the reader of a legal document is the user of the document. That is why laws should be written in plain language, i.e. clear and precise language. The language of law really changed under the influence of the Movement. One of the most noticeable trends was that drafters stopped using *shall* and replaced it with *must* to express duties and obligations and Present Simple to state the provisions. Passive voice was preserved mainly for gender-neutral writing and in repeals and amendments. Most archaic words such as *forthwith*, *hereby*, *notwithstanding*, *aforesaid*, *hereinafter*, *thereunder* stopped to be used. Plain English drafters promoted the use of short sense-bites, which led to changes in syntax and the layout of a section.

In 2012 a research was conducted in Britain to find out who the readers of statutes are. The research singled out three groups of readers: no-lawyers who use legislation in their work, members of public who want to know and protect their rights and lawyers ranging from practicing lawyers to law librarians. Thus, the target audience of a legislative text is not homogeneous. The research also showed that both lawyers and non-lawyers have difficulties in understanding statutes.

As a result British government launched a project called good law initiative meaning that good law is necessary, clear, coherent, effective and accessible. The research revealed which drafting techniques work better for the reader and which are absolutely ineffective. A new Drafting Guidance was presented in 2015, which gave practical recommendations to the drafters on how to draft laws and improve their language. Thus drafters were recommended to avoid sandwich clauses, to avoid using references within one section, to replace certain formal words like *pursuant to, by virtue of, without prejudice to the generality of* with simpler and more understandable equivalents, etc.

The paper concludes that the target audience of a legislative text is different. The drafter needs to strike the right balance between lawyers and non-lawyers choosing the appropriate linguistic means carefully.

Keywords: legal language, target audience, language of law, drafting style, statute.

References

Bertlin A. What works best for the reader? A study on drafting and presenting legislation. The Loophole. May 2014. No. 2. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/ attachment_data/file/326937/Loophole_-_2014-2__2014-05-09_-What_works_best_for_the_reader.pdf (accessed 04.11.2016).

Burrows John F. Statutes and the Ordinary Person // Waikato Law Review 1. 2003. URL: http://www.nzlii.org/nz/journals/WkoLawRw/2003/1.html#Heading3 (accessed 04.11.2016).

Butt P., Castle R. Modern Legal Drafting. A Guide to Using Clearer Language. Second edition. New York: Cambridge University Press, 2006. 240 p. + xxxi p.

Elliott D. Using Plain English in Statutes. 1992. URL: http://www.davidelliott.ca/papers/usingplain.htm (accessed 04.11.2016).

Phillips A. Lawyers' Language. How and why legal language is different. London and New York: Routledge, 2003. 194 p.

When Laws Become Too Complex. A review into the causes of complex legislation. Office of the Parliamentary Counsel. March 2013. 33 p. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/ system/uploads/attachment_data/file/187015/GoodLaw_report_8April_AP.pdf (accessed 04.11.2016).